

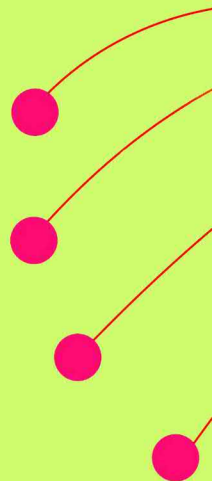
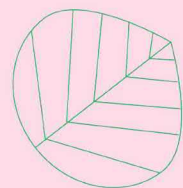
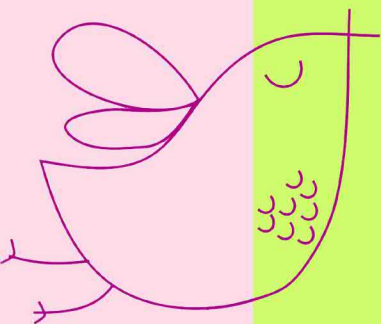
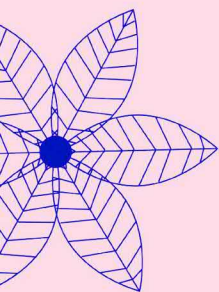
МАРИНА ЧИРКОВА

Сморо

дино

вый

лес

МАРИНА ЧИРКОВА

Смородиновый лес

Марина Чиркова

Смородиновый лес

стихотворения

Волгоград
Издательство «Перископ-Волга»
2020

УДК 82-1
ББК 84-5
Ч-64

Чиркова, Марина

Ч-64 **Смородиновый лес** : стихотворения / Марина Чиркова. – Волгоград : Перископ-Волга, 2020. – 60 с.

ISBN 978-5-907288-25-6

В книгу «Смородиновый лес» вошли лирические стихотворения, написанные в 2015–2018 годах, и несколько более ранних.

ISBN 978-5-907288-25-6

© Марина Чиркова, 2020
© Марина Чиркова, дизайн обложки, 2020
© Издательство ООО «Перископ-Волга», 2020

Ехать

...в красный трамвай и ехать. разума с кулачок,
рюха твоя, прореха, ореховый мозжечок.

где прорасти-добраться? сто первыми сентября,
пальчиками акаций – до стриженного тебя...

чтобы: такие дети, всё-то игра одна!

вот он, гляди, «секретик», тарашится из окна:

кричный, коричный город, каменный шоколад,
улочки (злить и спорить), дворики (целовать),
дерево – сеть и дверца, кость и живучий алыт –
солнечными младенцами сыплется на асфальт..

клеить кленовый «носик»? а, да и так чудно!

чей-то случайный взрослый присматривает за мной...

Карандашом в сентябре

1

...если лес и шелест, то вот, всклочена,
на виду повывавлена не по уму,
а внутри одно, остриём, отточием
белокоро-письменному ему:
белокоже-лиственному пройдохе,
сукровично-слёзному, где надрез,
а слова – зализывать и по крохам,
в дорогое ряженные и без...

2

...бездумно, нога за ногу,
а верхом течёт холод,
и гончая, подбегая,
на лапы кладёт голову,
во след, и зрачок тёмный,
и мех рыжина с белым –
она или я? точно
уже не пойму первой;

и вызубрен от заглавных,
выслежен до окончаний,
вылизан всклянть, усталый,
один изо всех горчащий,
в крови его серый порох
и красный воздушный шарик,
и зим тому... и не трогать,
баюкать ещё маленького,
и буквы нежней пальцев,
и вдох, как листок, длинный.
тихонько стеречь дальнего,
брести письмецом ли, ивами...

3

ива сбрасывает кору и бежит в отлив.
звёздочки ареол вместо бывших веток.
море трогает. отполируйте до человека!
в новой жизни, смерти, голосе, сне...
море волнуется раз, выговаривает: иве-т-та...
и выбирает листики, божьих коровок из пасмурной гривы,
укладывает на голыши, подвязывает ламинарией-лентой,
и уходит... и вот ты идёшь ко мне
(а думал, купаться). здешняя, да? – привет?

Чья

1

...Чья жар-птица облако сахарной ваты скомкала?
Ты... Песчинки в шлёпанце... Берег – ломтик лимонный
на стеклянной (всклянь) каёмке ликёра... А сколько
нас, разноцветных осколков смальты – на Мальте?
Альт или кобальт? Плутаю по небу пальцем,
рисую знаки (просто – просыплю – просо) вопросов...
Впросак, в сачок мотыльковый. Здесь есть мотыльки?
Напротив
дремлет фламинго на двух коктейльных соломках...
Долгий глоток... Вплывь... Расплавь –
не знакомы?...

2

П ервая – я, но потом вернёшь мне
О стролиста заросли, ангела пёрышко,
Ц арицу-бабочку (улетела),
Е дкий сок океанской мели,
Л ьдинку зрачка, южный загар,
У зкий певчий бокал...
Й од и ранку – правда?

В январе

Пойдём смотреть на реку в январе.
На спину серого колючего дракона,
чешуйчатого, спящего, большого,
обваренного холодом. Затоны
полузатёрты снежным наждаком.
Ни голеньких на берегах, ни катерков.
Совпавших губ обветренная кома
застрянет долгой трещиной в ребре.
Помпончики проворных снегирей.

Дракон подслушает озябшие слова,
но не откроет солнечного ока,
не шевельнёт хвостатую метель.
Как ты и я, он прячет летний день
на глубине, где обморочно-кроток...
Где крови скомканная шёлковая лента,
где лодка тонущих от вдоха до коленных
изломов... Хитрый. Мы глядим на острова
и греем руки друг у друга в рукавах.

Диптих

1 (сквозь белое)

какого цвета след во след,
на слух рассыпанное слово?..
как снежный порошок, белый свет
и чистый лист – неизрисован.

иди сквозь белое, пока
январь (моргнёшь – и сразу лето):
вся мимо пальцев, языка..
но – кружево: полураздета
в предчувствии и сквозняках,
не деться, да, – и, нет, не спрячет
себя до тёмных донных трав,
до слёзки стёртой и горячей –

река ли?.. в бережный камыш,
навстречу, в плавящую медь –
под жарким свитером зимы
к вспотевшей коже прикипеть...

2 (всё, что несла тебе)

в сухих коробочках «нельзя»,
в зелёных «можно» колосках –
всё, что несла тебе сказать,
не умещается в слова.
всё, что несла тебе шептать...
горы кружавчатый подол,
и лыжником – издалека,
и голос пуст, и стебель гол.

но как по зёрнышку – не врозь,
а просто через зимний сад
блестящих скальпелей насквозь
просыплется – и под, и над,
повадкой пальчиков слепых
чтобы запомнили согреть –
пока растерян на двоих
весь белый свет и белый снег...

Смородиновый лес

а солнце – сквозь смородиновый лес
по тёмно-красным, розовым и белым
упругим бусинам прихваченным губами,
упрямым косточкам прикушенным легко...

(а там по краю: ива наизнанку
за пыльной тучей вскинута вдогонку
и от беззвучных судорожных молний –
которые одни и гонят ветер
вперёд товарняков и вертолётов –
уже знобит, метёт озон безумья...
и бьётся телефон – живой пескаррик,
и оборвав натянутую леску
без плеска – в тишину, во тьму как в омут,
в расколотое зеркало как в сушь...
о нём, о немоте... в огне, во гнев...))

...утренним родинкам примятых летних ягод.
нет, мы другая половина неба,
где край листа двуручною пилою,
зелёным леденцом и двуязычным
блужданьем на просвет, на шёпот: слышишь,
садовник знает для чего привито,
а веткам незачем, им только дрогнуть
и прижиматься мокрым срезом к срезу,
и прирастать вживую, обнимая...
плести смородиновый лес... прилипших мошек,
мышей летучих с тонкими резцами,
грызущих нежный сахар полнолуныя
и распускающих одежду у влюблённых
до нитки, до последнего, до «кто ты?»

Бабье лето

1

в горьких вьюнах, пижмах,
головках чертополоха
лечь и молчать: вышит
выше, вишнёвей вдоха,

вырезан из ржавых
крыш жестяных, горячих –
кровным листом каштана...
(шёлковая иначе,
спряденная чужими,
сотканная вслепую
жилка, тропа ли в глине,
трещины тень?..) разуюсь:

розы густой бронзы,
мята глухих, мягких...
просто молчать. возле.
ежа, репей, мятлик...

2

нечаянная но закрой глаза
и весь собравшись на кромке губ
о как ты будешь ловить меня
и ждать во тьме чтобы вновь и вдруг
как вздрогнешь трогая где трава
уколы кончиков мокрый ворс
хвоинок спутанных стрекоза
блесной зависнет слезясь насквозь
чешуйка рыба не сколупнуть
поймал русалку терпи обняв
нежнейшей судорогою рук

и ног впивайся а вот слова
в которых знаю почти что груб
и небо навзничь легко легло
наждак загара волос овсюг
а мне нечаянно так тепло

3

где ночные-чёрные волосы твои
жёсткая неглаженная лебеда
если потеряюсь только не прогони
летнее ли ворохом и чехарда

порох тёплых тропок звон семян-узелков
пальцы разнимаю едва да едва
шёпотом в макушку выдыхать мотыльков
где слова не сломаны о слова

Птица

Ветер!.. На сотню сторон – ветер...
Заметает пылью снежной, бережной
лёд в глазницах вчерашних следов.
Темна зима, и кроме – ничего, ничего...
И только птица-синица
день-день
говорит тонко – будет весна, разбудит!
Глупая птица! Холод сдует тебя.
А она – день-день...

Вьётся ветер, жаром несёт песок, песок...
Красный бисер швыряет в глаза.
Широка пустыня, глубока до дна,
ни росинки пропащей – нигде, нигде.
Лишь какая-то птица
пить-пить
повторяет – иди, вылупится родник!..
Глупая птица! Мираж, сон высосет тебя.
А она – пить-пить...

А с обратной стороны сна – дождь, дождь...
Сетью опутал, утопил цветы и цвета.
Вода, вода: никогда, никогда...
Но откуда-то сверху –
упрямая птица:
синь, синь!
Выплывет небо, вспорхнёт небо!
Глупая птица, мокрая серая птица...
А она – синь, синь...

Вода и ветер песком стирают твои следы.
Невозможные, почти невидимые следы.
Нет – никого – нет...
И только глупая безумная птица,
прыгая по веткам рёбер,
высвистывает –
где-нибудь, когда-нибудь...
Когда – ни – будь.

Этажи

эта жизнь.
её этажи, витражи, виражи.
ты л(жив)?
вопрошают через стекло.
плоско, гладко, бело, светло.
отвечаю –
лечу, я чай-
ка, почти излечился, чай
вот завариваю. разговариваю.
тонет в облаке земля-
ника.
то не ты, то не я – плыви к ней
в высоты висячем лесу.
а листва далеко внизу.
глубоко не видеть. не спрыгнуть.
птицы.
птицы – бывшие рыбы.
посмотри сквозь воздух: тонка
спица глобуса и волчка.
закру-
жить.
не дрожи. ножи?
с отражениями
дружи.
нена-
видишь
себя в зеркалах.
ок-
нах.

Жилибом

жили-были... жили-били,
жили-пили/пели/выли

сосны-ели, топи-мели,
еле-еле кашу ели
стыли-спали
с молоком
сели-встали
так о ком

небылицы?
лица.
были?
рамы мыли.
были-сплыли...

я ли – ты ли...
мы ли – или?..

Контур

вымыто, стёрто. я – только контур.
пробегаю, его заполняют
чужие собаки,
мальчишки,
мамашка с коляской и книжкой
(какие блестящие спицы),
синие птицы – голубки на бульваре,
в наушниках парень.

а рядом, чуть за угол –
уголь,
шаткая алкашня,
смуглые грузчики
ждут, жгущее солнце степей,
недоумённое, сонное... эй, не пей!
сор и асфальт.
альт –
это уже река –
даль-
ше слышится. из ушкá
нитью упрямица тянется.
да, вода.
ну куда?..
едко, как в дверь соседка,
непрошенным лыком в строчку –
не-видите-заперто-на-цепочку,
придерживаю рукою – не беспокоить!..

нет, – синее и зелёное... незабелённое...
«ты же была русалка, жалко...
на, вспоминай –
месяц, май...
и не маши – дыши...
камыши...»

часы протискиваются боком.

хватит, пора.

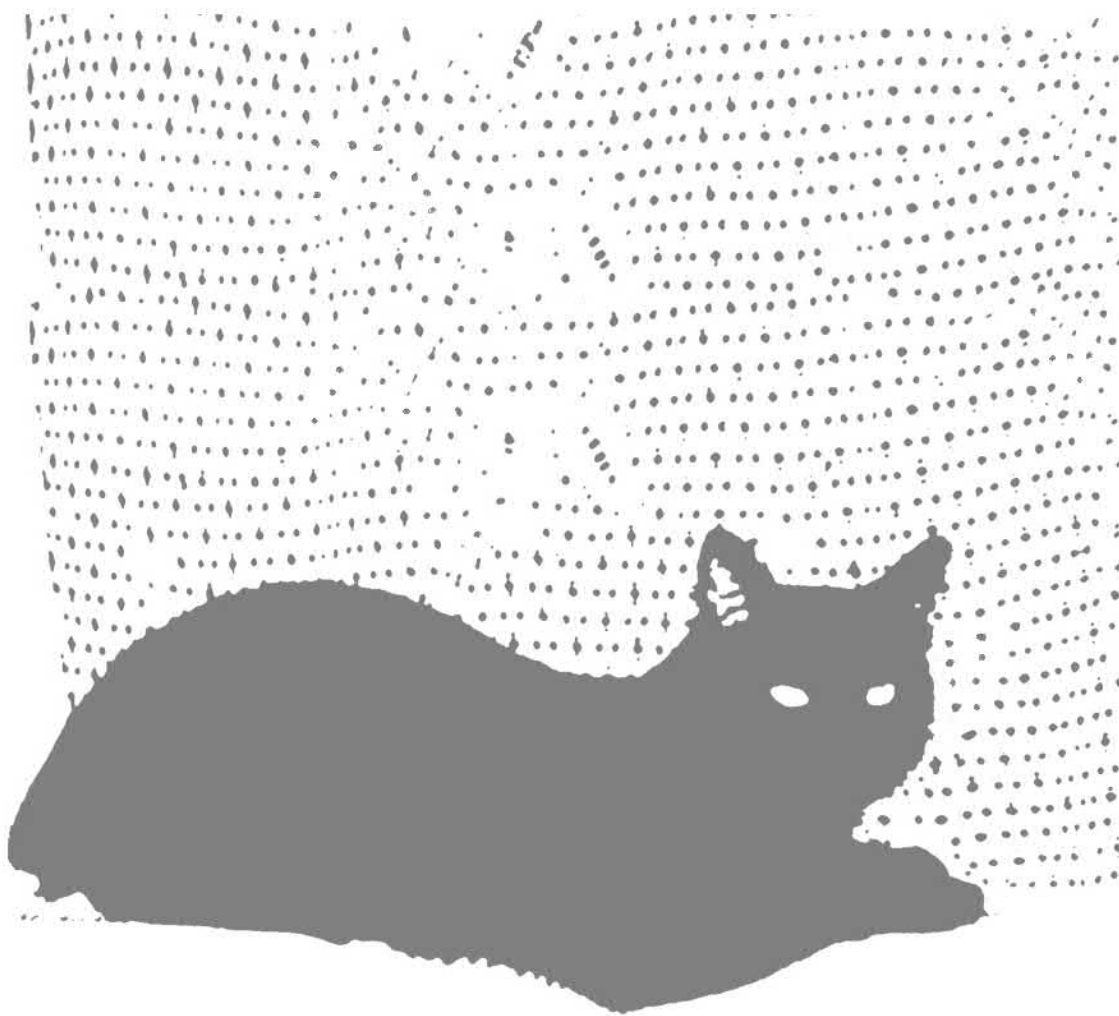
эхом, охрой

зеркальце поворачивается внутрь,

прикрывается рисунком знакомым.

приветтики, вот я и тут, –

дóма.

МСКВ

москва – бисквит,
раздавленный со сна:
осколки ловкости, отскок, оскал!
блесна
ловцом уже закинута в мускат,
по-лягушачьи – ква! – хватаю:
к вам, все-в-сад;
и пальчик в дырочку из детского носка
в полоску, розовый, глядит.
москва-москва,
москит, кусающий мозги.

москва – весна?

Словами

1

наив или наитие иль смехом
 и мёдом но на вкус неосторожно
 (колючий плод каштана – сердцевина
 и пульс, и ласка-хищник этот случай):
 вдохнувши раз, не выдохнуть. айром
 или другою страстоцвет-травую
 вросло... в сибирских реках, мне сказали,
 во льду умеет рыба спать до лета.
 а я чему училась? не пойму, но
 как золушка по бусинке капёльной,
 по кровной яголке рябиновые бусы,
 по буковке нанизываю – имя...

...наив или наитие иль смехом и мёдом...

2

Всё потому, что слово – те же губы,
 с которых оно шариком воздушным,
 с которых воробьиной че[пушинкой],
 пчелой болючей, косточкой граната...

Всё потому, что губы – те же страны,
 а ст[раны] – это встречи, то есть у[час]ть,
 родство, какое [боль]ше чем медвежий
 косматый космос но и [мель]че крохи...
 А наши кр[ох]и – те, кто нам острее
 и нас самих, и самой близкой речи,
 но даже к ним мы не плывём немymi
 пока из губ дыханье, то есть слово...

Вот потому... поэтому, вернее...

Знать

Я хочу знать о тебе всё.
 Зачерпнуть раньше твоих слов.
 Городов жилых и проезжих сёл
 затвердить географию набело.

Как шуршит в кедрах глухой дождь,
 как бежит по коже капля воды...
 Называя: брат, понимать: ложь,
 но честней прочих её ходы.

Как блестит в дёбрах волос – соль,
 как красно солнце с изнанки век, –
 повторять этот язык вдоль,
 поперёк, насквозь и врасплох, в разбег...

Как растут бережно семена,
 как шатает бешеных дрожь земли.
 Как другие пили тебя до дна!
 И о тех, которые не могли...

Я бегу выиграть сей звук –
 древний космос полон муры, туфты! –
 но его джаз-бэнд о тебе вдруг,
 и гремит во мне потому что – ты...

Я шепчу, и ветер ерошит ворс
 дыбом вдоль хребтины тянь-шаньских гор;
 я хочу, чтоб он и в тебя врос,
 золотой септический септаккорд, –

чтобы ты слышал в нём ноту Si
 и в её синь пропадал, спасён
 из песков-льдин-неводов, и
 чтоб хотел знать обо мне – всё.

Пить

Ты ведь не знаешь, что там.
С первого же глотка
лопнут горячим потом дойные облака.
Осы сосковых зёрен, бёдер нагар/прострел,
голос твой станет чёрен, станет зрачок твой – бел.
Встанешь, шагнёшь по шпалам, даль это сталь колен.
Путь развернётся алым, зелень плеснёт из вен.
Две поднебесных нити снижут желток и синь.
Разве же ты – не птица? Только беги! Неси
дробью безумных пяток, мельницей ног и рук –
нерастворённый запах, неотражённый звук!
Скорый по взлётке рельсов, выше-гляди-сметёт!
Веткой срывая время, навзничь листая – всё:
та, что ещё разлюбит, вновь первый раз с тобой...
Станут слюдою губы и шоколадной – боль...
Канет закат на блюде, выплывет в бирюзе
дом, где тебя дождутся, где одному тебе
дальний ночник крылечка – ближе, теплее...
НЕТ!!
Это – ослепший встречный!.. И – оборвётся свет...

...Чашка с отбитым краем, трещинная змея.
Что в ней? Сама не знаю, яд или просто – я...

Читая

...по обреза слов – босыми подушечками безымянных,
через абрис снов – осмелевшим кончиком языка,
от верблюжьих колючек кириллицы до лоскутка дыхания,
просыпая в кофе (Корфу?) пробелы –
Сахару сахарного песка...

...между выпуклых строчек вен,
виннокрасных родинок двоеточий:
сняв ненужную суперобложку,
полями за клейку ресниц ведя –
то ла(донно) вдоль корешка, то ли лодочкой-оморочкой, –
но на слух тебя, и на вкус тебя, наизусть – тебя...

Дорога над

Котёнок-неженка вдох и мех,
а млечное блюдечко горячо!
И гжель боди-арта – на самом дне
в тебе, не дотронувшемся ещё.

Дорога над ненасытна ввысь
раскинув в стороны облака,
и след самолёта широк как кисть
во мне, не дотронувшейся пока.

Светлы на белой ночи холста,
зажмурясь ляжем в едину тьму,
друг друга по родинке прочитав,
друг друга по буковке расстегнув

до дня, дымящегося рекой,
кошачьей шёрсткой в карандаше,
друг с друга выпитым молоком –
до нас, дотронувшихся уже...

В Афинах розовых

«В Афинах розовых дома – стихи. Заметила?
В них камешки неравного размера
друг к другу жмутся, чудом образуя
и стены, и карнизы, и проёмы –
оконные, дверные, слуховые –
таких воздушных ровных очертаний,
что вздрагиваешь каждый раз, не веря,
и улыбаешься одновременно... Не вдвоём, но
и не совсем уж врозь мы любим сами
словцо прикладывать к словцу: вдруг прирастёт и
пошевелинётся, и пойдёт гулять, и вынет
счастливую монетку... Неразумно,
но как легко! Покатится по кругу –
за край небесного ковра. Ни зги, ни трещины...»

Так мы порою пригнаны друг к другу,
ночной. Лукавый Одиссей, горячий грека.

Аэро

...тенью скользя-задевая спящие города
движется самолёт медлительно как всегда
мошкой ползёт упрямой к рассвету да-
льные уносит страны в глазах вода
с неба а в коже жар задержался там-
тамы крови в далёком где-то ещё но сам-
олёт возвращается и крыла-
ты и я и новая жизнь легла
завтрашняя на огни на земные ран-
ние и утро сквозь тучи краснеет нам
ли про него придумать летит когда
тенью скользя-задевая спящие города...

Бессонница

Совы... бесовские и невесомые,
вспомнятся: дрёмой плывёшь, но – коготь
где-то с изнанки... Скажи мне сонное,
то ли с английского, то ли – другого...
Вдохом поймай, отпусти на выдохе –
дёрнусь, но снова – ручные, ручьёвые
волосы, полосы светлые... вылетит
слово... моё ли, твоё или чьё оно?..
Слово-совёнок, гнездо его – жжение,
раж: на рожон через брайль многоточия
буковкой м(алой) – руки продолжением,
снежным крылом – продолжением почерка...

По красной нити

– Чего в такую рань? Эх ты. Легко ли
чём свет вставать, встречать идти старухе?

– Мне, бабушка, хотелось повидаться,
давно не говорили мы с тобою.

– А с дочками что не до разговоров?

– Да выросли они, живут отдельно,
к чему мешаться у чужого счастья,
я лучше к вам – ведь часто собиралась.

– Ну заходи. Дай поцалую... дылда.

Дом-от большой наш, и обняться есть с кем.

Мы все с тебя глаза-то не спускали,
не ждали правда рано так, но что уж.

– Что мама?

– Младшая моя краса и ныне!

Умней всех вас, всех лучше шьёт и вяжет –
светлее снега, легче паутинки!

Лишь тёплые ей вещи не даются.

– А папа?

– Нет, его ты не отыщешь.

Напрасный труд. Твой дядя тут пытался
свово сынка беспутного... соринка
во ста стогах. Но суть не в них, а вот где:
все, кто пришли – по кровной красной нити.
А белая не выдержит натяга.

– А как... не знаю, спрашивать...

– У нас он. Не толкошись, врачи сказали надо,
так им видней. А этот воздух лечит
и хвори, и обиды.

– Расскажи мне.

– Обычно здесь не любят нерождённых,
но твой весёлый. Мы назвали Ваней,
чтоб не забылось, каковы – дары.

Смотри-ко, вот и он. Беги, Ванюша,
встречай скорее маму. Зачерпни ей
пригоршню слёз, лицо умыть с дороги,
и молока грудного – ждать и пом[нить].

40 (подражание Лорке)

Сорок сорок хвостами метут по снегу.
Сорок сорок рисуют углём и мелом.
Сорок сорок ко мне прилетели в гости.
Клюйте: зерно, ладонь до костей, и кости...

Сорок сорок взлетят и поднимут ветер!
Ветер сольётся с небом – одним на свете!..
Сорок сорок взлетят многокрылой птицей.
Я захотела в стае другой родиться.

Сорок сорок оставят следы в тетради.
Чёрные в белой, пре(красного) слова ради.

Что это с нами

Макать ба(ранку) в молоко,
 легко довольствоваться малым
 и, гром заслышав далеко,
 уткнуться теплее в одеяло
 мигренью раненый висок –
 а в со(снах) капли и и(гол)ки –
 и, от(вернувшись) на восток,
 глаза закрыть и, будто с горки,
 скользнуть... скользить, в ладони, в (те)нь
 внутри(утро)бную, и глубже,
 сквозь мякиш, в млечную капель...
 А дождь – зашёптывает уши...
 ...В кровати возится дитя,
 укладываясь поудобней,
 пихаясь пятками, кряхтя...
 ...А горка кажется о(гром)ной,
 всё выше, выше, выше – и
 вот-вот поймёшь из тайных знаков
 бегущую строку: они...
 ...но дрёма... тьма... и гром куда-то...

Так мы течём водой в ночи.
 Совместны, слиты, слитны, гласны
 молчаньем тысячи причин,
 нежны, нужны и ненапрасны...
 Что ж это с нами? Говорят,
 сквозь сны, как в щёлку-не-пробраться,
 слепые смотрят в райский сад,
 весь в блик(ах!) солнечного кварца.

Мотылёк

Свет – метелью, белой плетью.
Свет – пустыня, свет – горячий.
Закрывать тебя – от света!
(Закрывать глаза от счастья.)

Заслонить от новой смерти,
выпить дрожь вчерашней. Где там! –
Всё, что могут руки эти –
закрывать тебя от света...

Пусть. Хоть так. Вдохвыдох чаще.
Безымянно. Безбилетно.
Закрывать глаза от счастья:
закрывать тебя от света!

Свет, сжигая шёлк. Кромешный.
Рук единственное платье.
Он – как я. Пойми. Я нежно.
Закрывать глаза от счастья.

Гизелле

1

Сквозь твои черты
 прорастут цветы –
 розы в сто шипов, раскалённый мак.
 Дно стеклянных дней
 (говори о ней),
 об одной о ней, да не просто так:

золотая пчёлка отыщет щель,
 проползёт бедром
 (а ужалить жаль),
 а потоп – потом,
 а тепло – теперь,
 остальное – шёлк, лепестки и май...

2

Гизелла танцует. Шаги будто дразнят споткнуться.
 Шипы золотые на злых каблуках этой птицы.
 Рисованой бабочки певчей, цветка перелётного.
 Гизелла нежна обожжённо, а сальса опасная длится.
 И тянутся ветви лесные к рукам её с гжельского блюда.

Гизелла поёт. Шёлк и перец, торнадо и краешком – сл(ад)кая соль-не-просыпь из ресниц ошалелых!
 У клетки витой, золо(той) есть открытая дверца – Гизелла;
 Гизелла, Гизелла!.. – терзать твоё имя, пока обнимаешь...
 Глаза: оп(рок)инутый обморок, лава и лёд их...

3

Нечаянный этот коктейль не похож на твои,
но он для тебя, о тебе лишь. Вот так с утра
покажется: рядом, руку лишь протяни,
и тянешь руку, и вздрагиваешь – вчера!
То памятной мяты уменье всплывать, тонуть,
кру(жить)ся чайнками, ткаться в узор ковра –
в глазах у идущих мимо теперь не хватает чуть-чуть:
гречишного мёда Ташкента, нью-йоркского серебра...

...И снится: гитара – пламя, а голос – волна (война!),
прозрачная рыбка – сердце, и пальцы – кривой коралл,
а моря опять не выпить, а надо до дна, до дна,
и слух уже не отнять, и век не сомкнуть, и стран-
но вдруг смешаю в ладонях – тебе, тебе:
три лёгких слова, слезинку хмеля, смешинку дня...
Дотронься кубиком льда до трещинки в нижней губе
и ты почувствуешь, как я целую тебя.

Прозрачны...

1

А вот: налегке-отвлекаясь-хотя-бы –
когда холодок или смотришь насквозь,
я вдруг представляю что это сентябрь,
прозрачный и утренний, тонкая кость:

...в чуть ро[зов]ом платье, ласкающем спину,
скользящем и с чёрною лентой-змеей...

Но нет – понимаю едва половину
из буквиц-осколков в ночи надо мной,
а сколько ещё их найти, обнимая, –
ладонь как зрачок и зрачок как ладонь!..
И лента по полу... а впрочем, не злая...
(а лава внутри хр[уст]аля и не тронь)

2

у огня –
острые края.
лучше не трогай.
иди своей дорогой.

от воды –
холодные следы.
глубоко не лезь.
по краешку, здесь.

мутный горизонт.
ушёл чёрный зонт.
остались вдвоём
костёр под дождём.
утонем? сгорим?
дым...

3

Прозрачны твои колени,
стеклянны твои шаги.
Тату полуденной тени.
Зрачки полночной реки.

И ты ещё раньше знала,
кем стану тебе (позволь):
и вкус моих губ был – алый,
а цвет – карамель и соль...

Скульптор

Тяжкой дверной пружиной,
трещиной рта в слюде.
Жаркой иссохшей глиной
скалы брели к воде.
Долго – легла усталость
облаком на откос.
Ночь широко плескалась
в реках твоих волос...

Сажай лилось по жилам:
зябкой блестеть р(осой),
стёртым кружить винилом,
гнутой шивать иглой
чудный, чужой, внезапный
левобережный пульс,
влажный как вдох, по капле –
мимо, не выдав вкус...
Снилось: ле(пить) на ощупь,
слепо вбирать чер(ты),
сон – значит можно проще-
нья не хотеть, шестым
слухом, чутьём к прорехам
звёздных медвежьих шкур
вспыхнуть – ножом и эхом!
кромкою льда во рту...

Небо горело стужей,
кралась краями тень,
правил резец всё глубже,
ноготь луны задев,
острые козы тропы –
в самый зенит почти...
Мимо? И мим протопал
тапками, отпустив
красный закат усмешки,
вкривь, за рельефы лиц.
Скульптор – незряч, конечно.
Не разжимай ресниц.

Не зима

август. веранда. чай с бергамотом.
красная цинния. жёлтые листья
в ярко-зелёной траве. самолётный
след через бледное небо. таинственный
жук-древоед тихо тикает в ножке
гнутого временем венского стула –
не антикварного, видимо, всё же:
розы – засохли, блажь – не уснула.
авиашоу длится за кадром,
за горизонтом качает деревья...
блажь? это нерв через кривду и правду,
прочно приручен, но честно алеет:
по мановению? нет, не удержишь!
холод – и “боинга” страстная поза!..

...август – интрижка курортная между
ромовой бабой и дедом морозом.

Спать

ребёнок внутри шевельнулся – и спать
в своей округлившейся мягкой кровати.
а сердце стучит то под левой лопаткой,
то где-то на ветках, где осы звенят...
а сверху соседи бросают в траву
с балкона пустые бутылки от пива, –
вот так и живём, вот так и живу:
бездумно, по-летнему, небережливо...

кто скажет, что завтра? кто вспомнит вчера?
что линия жизни двоится, не скрою!
(бутылка опять пролетела. одна.
упала.) а сердце – оно не моё и
то тихо блестит, как луна сквозь листья,
то вдруг рассыпается в ночь светляками...
огни сигаретные рдеют и тают...
ребёнок, не спишь ещё? жизнь – это ты-
сячи снов...

Небо рушится вниз

...небо рушится вниз, разламываясь на ты-
сячи хлебных крошек, на шаткую тишину,
на собачьи следы, так похожие на цветы,
на цветное пятнышко крови и шерсти клочок, на губ-
чатый наст-
упав-
ший медлен(но) белым обнявший час-
то бестолковый город, ок(нами) вылу(пленными) полн-
очи ждать не хочет небо, касаясь нас-
пех,
касаясь нас-
мех,
касаясь нас-
мерть –
ле(тучи)м шёл-
ком...
и вот малыш катает снежки и ему всё равно,
что за буквы, сплошные «же», и зачем с высоты,
и тебе - «не попал!» - невесомо и белым-бело...
это небо как мы: потихоньку, на ушко, на ты...

То ли розовая льдинка

То ли розовая льдинка,
синь и даль?
Это солнце – погляди-ка
в календарь! –

Разбудило сто капелей
ото сна.
Оглянуться не успели –
и весна!

Вот и туфелька-обновка
в самый раз.
Золочёная подковка,
на заказ.

Сомневаться
что там будет впереди?
Приходи поцеловаться,
приходи!

Чероглифически

Мужской иероглиф блёкнет, прочитан.
Смысла в нём оказалось не слишком –
не то чтобы совсем, но
гораздо меньше, чем до-

тронься: цветка обле-тающей вишни
ты-
чинкой о-кажешься лишней,
хрен васаби – острая зе-
лень,
уст-
алость,
скользят ко-лени,
лень вн-утренняя...
гадаю: ког-да... тяжело лом-аю
об иероглиф язык, тво-я
Я-
пони-я...

Ма(лень)ких лошадей края,
кра(сны)х коньков крыш...
ч-шшшш...

Мень Ли Бо и другие

...слу-
чайны розы-
грыши, в небе чай-
ка, сто видов чая-
ний в огне пече-
ли...
а жизнь пре-
дательская штука еже-
ли ты в Китае я же на-
ивна хуже не-
жных и страшных по-
вестей безумного по-
эта судьба иных стран-
ней но чудится кар-
еты а может тыквы скрип-
ка и дрожит конь-
ячно... выпей луну ли-
бо тотчас сойди с у-
дачной тропинки в к-
рай куда пе-
ром раж-птицы вольной ле-
тишь словами лья-
сь вот так легко ли бо-
льно...

Не жалея

не жалея ни о ком-
пасе ни о пути – продадут и обманут
даже лучшие из-
ображенья уйдут из зеркал
не оставивши след-
ствию алиби. Это карма-
нник – он же время – крадёт-
ся а нежность лишь кларин коралл.

а о ком будешь зря-
че и слепо выплакивать очи-
нив ломать непростой карандаш и стих-
ать не уметь – то не боль-
ше чем сон-
а-ты звук ибо я-
лик бывшего всё дальше и проще-
нья не будет и ежели в-
друг возвратится гол-
ландец – не призрак ли он?

Приворот

Помани меня пальчиком-пальчиком – так хочу –
золотым ноготком удачи блесни, черкни!
Зацепился крючок в глубине, чешуя причуд
через сумрак вспыхнула лезвием... Край земли? –
Острой кромки льда, за которой – пропал, пропал!
Оступился в чёрное, – тонкое серебро
проломив коньками... а речка (не речь – река!) –
не поняв, всё бормочет страстное-не-о-том.

Озорна, жестока, веди ворожбы резец
коготком приманчивым, нежным, злым огоньком.
Или это я тебя, стёклышко-леденец,
прижимаю к небу танцующим языком?

Пустынное

...и вся её смуглая скорлупа,
горячая спальня вьюг,
в секущихся шорохах трав, упав,
увидишь – прозрачна вглубь
песка:

на тысячу злых шагов,
до косточки мышьей, до
ручья, оброненного далеко,
монетой в пустое дно.

и ты, то дёргаясь, то ложась
в бессонницу, букв крупу
ссылая, голый язык зажав
зубами, несёшь во рту
пустыню:
колкую эту шерсть,
окрошку углов, узлов,
и тоже навстречу, как перст, как есть,
прозрачен на тысячу слов...

Неровное

человек человеку – почерк, две горсти букв,
мятный зелен лист письма и красная в нём строка.
азиатский шёлк подмышек, иероглиф губ,
гладкий воск обмана, клинопись-не-вникай.

человек другому – имя на запах, след
языка по нежным ямкам, меж пальцев рук:
белый волк по брюхо в снег заметён, слеп,
и позёмка стирает тропы... в полях, вокруг...

человек человеку азбука, ноты, счёт,
голый провод, палёная шерсть, потом-поймёшь-ерунда;
чёрный лось заходит в реку, небо пьёт,
поднимает голову... капает розовая вода...

человек между прочих – прочерк, пустой пробел.
не прошепчешь другим, что боялся вслух для неё.
белый волк темно оборачивается к тебе.
чёрный лось забредает в облако и плывёт.

Ночью

1

дай мне, дай мне сказать... ты же тоже из слов,
не из взятых назад – из коленных углов,
тёплой ямки пупка, паль-чи-ков-на-вос-ток,
за границу загара, ты тоже – песок:
против шерсти взъерошен, просвечен до косточки
предпоследней – колючей, непарной – не просто так:
позвоночный язык, и не спрячешься за
щёку... ближе сказать – это больше сказать...

2

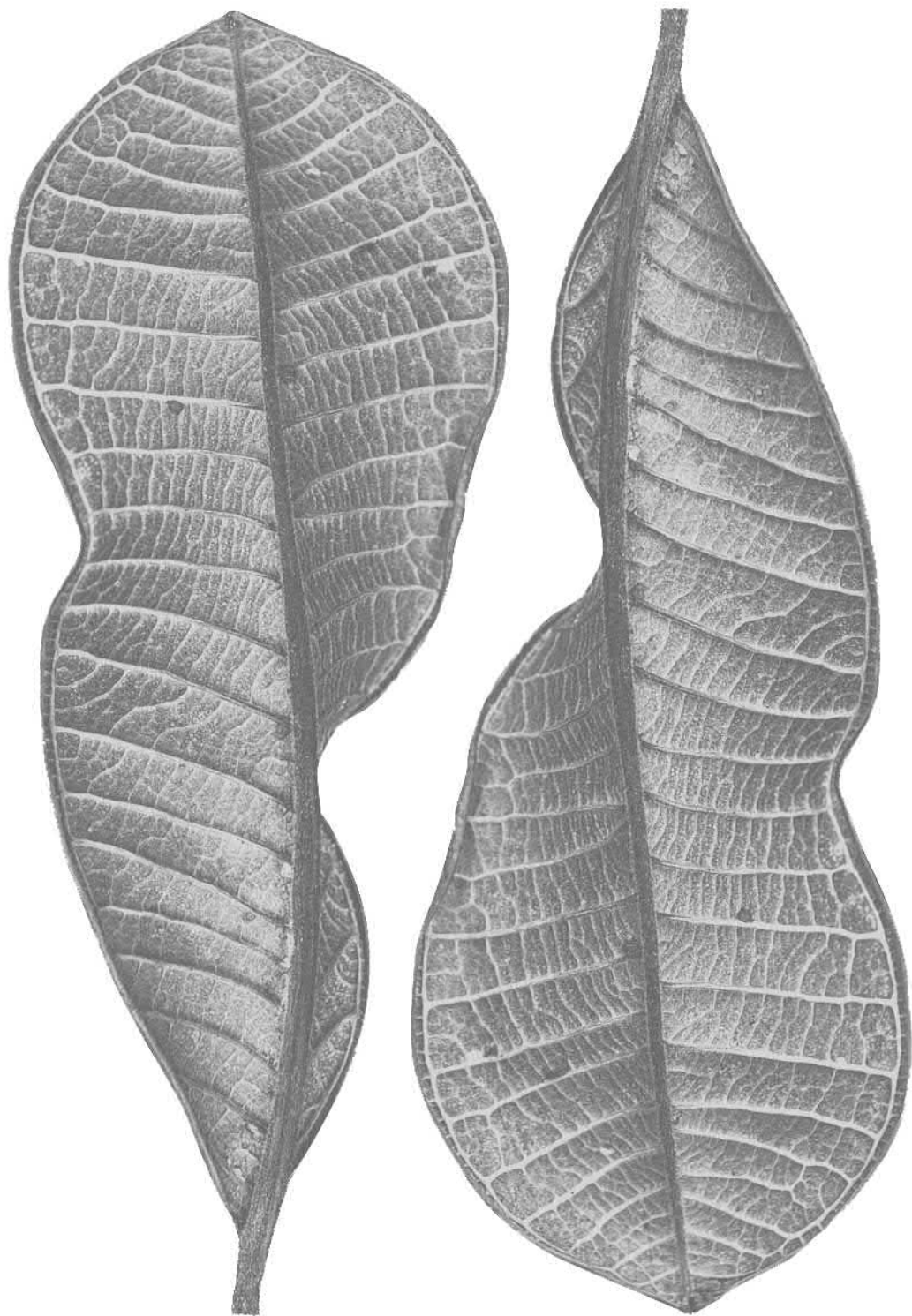
молчи,
но пьяной ночью – пьяной, волчьей,
приснись мне зло,
чтобы стекло толчёное
хрустело на зубах,
кормило солью
(скрипело ломаное) –
резкой, крупной, красной...
нечаянно?
нет – в пот ошпариваясь,
небритою декабрьской щетиной
по голым розовым бутонам,
морским песком меж коцанных коленных чашек
сжимало нас до полного,
до щастья,
до кожиры, веснушки до единой –
твоё молчание...

Над глубиной

...так и плывём над глубиной,
как щепки, белые на чёрный
ночной гудрон: уже без счёта,
без тонкой кожуры, больной
(черешно-шелковичной-наспех)
о том, насколько мы напрасны
с тобой...

не так: во снах, когда друг друга,
как из ручья, берём на руки,
на тяжесть бёдер, губ припой,
на слово – скрипкие качели
над лебедой –
«усни-поспи-приснись...» простой
язык. но здесь о языке ли?..

«Мерцающая пропорция» и поэтический жест в стихах Марины Чирковой

Говоря о поэзии Марины Чирковой так и хочется прибегнуть к тому способу взаимодействия с реальностью и со словом, который в этой поэзии наиболее явлен. То есть: прикрыть глаза и накамлать ассоциаций, довериться и поддаться стихии звука, позволить ей увлечь себя и нести, гнать перекасти-полем, наматываясь до плотности образа (или мысли). Щебетанье пташек в древесной кроне; порыв ветра – пташки вспорхнули, кроны всколыхнулись, качнулись в одном направлении, по ним словно бы прокатилась волна, продолженная за рамки образа кипой сорванных листьев... Извечный природный жест, всегда волнующий наблюдателя. Марина Чиркова умеет видеть жесты природы и делать их жестами поэтическими. Природа «дикая» живёт в её стихах как нечто стихийное, неисчисляемое – охапками, копнами, грудками, буреломными зарослями, смородиновыми кущами, травными гнёздами-колтунами, в которых всё перепутано и взаимопронизано, «выдохнуто» одно в другое, но при этом – «слова не сломаны о слова». Природа «очеловеченная», городская, присутствует в стихах Марины более сдержанно, компактно, не выплёскиваясь смыслово и интонационно за некие заданные автором контуры:

*вымыто, стёрто. я – только контур.
пробегаю, его заполняют
чужие собаки,
мальчишки,
мамашка с коляской и книжкой...*

Психоделика звука, кружение речи внутри самое себя, как бы свивающей кокон из полупрозрачных интонационных волокон (словно «сладкую вату» наматывают на палочку-ось), с частой россыпью осколочной, бликовой образности в этой «вате»:

*Вдохом поймай, отпусти на выдохе –
дёрнусь, но снова – ручные, ручьёвые
волосы, полосы светлые... вылетит
слово... моё ли, твоё или чьё оно?..*

Марина Чиркова, безусловно, относится к тем поэтам, которые скорее ворожат, нежели конструируют. И ворожит она – на звук, по аналогии с тем, как можно ворожить на воду, на огонь, на другие «подручные материалы» в магии. Ворожба на звук – так назову её технику, не вполне научно, но зато очень даже поэтично, на мой взгляд!

А чувственность – раскрошена, хрустит осколками стекла, оцарапывает «декабрьской щетиной», агрессивна – ранит «розовые бутоны», протискивается «меж коленных чашек», настаивает: соль, песок, щетина, толчёное стекло! Эта жёсткая, колючая взвесь стольких компонентов, одинаковых по своей функции «ранить», застигнута нами как бы в момент медленного вращения в небольшом хрустальном шаре стиха. Автор встряхивает шар – и взвесь приходит в движение.

На мой взгляд, образность здесь слишком лобовая, откровенно обращённая к рефлексам читателя (как скрип мела по доске или наждака по стеклу вызывает невольное содрогание). Возможно, так и задумано. Показать истинную природу «щастья». От настоящего «щастья» мороз по коже и рефлекторно сводит скулы:

*нечаянно?
нет – в пот ошпариваясь,
небритою декабрьской щетиной*

*по голым розовым бутонам,
морским песком меж коцаных коленных чашек –
сжимало нас до полного,
до счастья...*

А в «Бабьем лете» чувственность другая. Читая это стихотворение в первый раз, я была уверена, что в мои предпочтения оно не впишется... пока не дошла до концовки. Тут-то оно всё и сложилось, один к одному. Сумбур ассоциаций, грамматические фрагменты и вкрапления (вместо нормальных грамматических конструкций), охапки всевозможной ботаники, все эти пижмы, ежи, мятлики, розы и чертополох, каштаны и вишни, мята и лебеда; расшатанный, рваный ритм, как бы передающий сбивчивое дыхание лир. героини, упавшей в объятия своего любимого – как в густые травы, всё это было для того, чтобы шёпотом в макушку выдохнуть мотыльков, где слова не сломаны о слова.

Воспринятое целиком, оно именно что «выдохнулось» в меня-читателя, душистым растительным облаком, вихрем, в котором всё перемешано-переплетено, но не «сломано» друг о друга. Настоянный на лете ароматный сбор, сбор-взвесь, существующий в воздухе наподобие лёгкой насекомой стайки. И одновременно – властная, повелительная чувственность: «поймал русалку терпи обняв». (Наличие здесь русалки не смущает: это лесная, луговая русалка, богиня трав и цветов.) Какими-то другими, более выдержанными и «устойчивыми» фразами здесь написать было бы просто невозможно. Обычно такой сумбур в поэзии воспринять мне очень сложно, но тут – редкое исключение. Стих убедил и впечатлил меня.

Говоря о переимчивости Марины и её таланте продлять «жестикуюляцию», подсмотренную у природы, в свои стихотворения, замечу: подсмотренное – не обязательно жест. Это может быть, например, мимика. Абрис. Лёгкий мимический абрис, набросок части лица, как в стихотворении

«В январе». Зимняя река лежит белоснежным спящим драконом, который «...не откроет солнечного ока, // не шевельнёт хвостатую метель». Хороший образ, красивый и сказочный такой, но он не был бы столь зримым и убедительным, если бы не предшествующая строчка: «Совпавших губ обветренная кома». Не только поцелуй героев, но и два берега, как плотно сомкнутые губы некоего исполинского существа, вписанного в пейзаж (да собственно им, пейзажем, и являющегося). Этот пейзаж-коматозник убеждает меня, даёт мне достигнуть того уровня погружения в созданный автором мир стиха, на котором я уже совсем по-другому воспринимаю «спящего дракона» реки, его сказочность и красоту отступают на второй план, а волнует уже что-то совсем другое. Тихий зимний день на реке, эффект присутствия, подлинность узнавания... Это стихотворение более традиционно, не раздроблено внутри, состоит из фраз «нормальной» протяженности и грамматики. Да, Марина умеет и так. Без своего фирменного сумбура.

А вот одно из моих любимых у Марины – «Смородиновый лес». В нём, мне кажется, найдена идеальная пропорция между «камланием на звук» и ясностью, прозрачностью поэтического высказывания. Именно поэтому, мне кажется, оно производит ощущение чего-то такого большого, тёплого, эмоционально насыщенного и невероятно притягательного.

*нет, мы другая половина неба,
где край листа двуручную пилюю,
зелёным леденцом и двуязычным
блужданьем на просвет, на шёпот: слышишь,
садовник знает для чего привито,
а веткам незачем, им только дрогнуть
и прижиматься мокрым срезом к срезу,
и прирастать вживую, обнимая...*

Мне кажется, эта мерцающая пропорция в стихах Марины Чирковой – это, фигурально выражаясь, как бы хребет дракона её поэзии (коль уж мы недавно говорили о драконе, то почему бы не использовать эту метафору, навеянную Марининым текстом). Хребет неровен, прерывист, состоит из острых пиков и впадин между ними, но он есть, и на нём, по моему мнению, всё держится. И голова, и крылья.

***Петра Калугина,**
филолог, поэт, победитель
Международного литературного конкурса «Кубок Мира
по русской поэзии-2016»*

СОДЕРЖАНИЕ

Ехать.....	4
Карандашом в сентябре.....	5
Чья.....	7
В январе.....	8
Диптих.....	9
Смородиновый лес.....	12
Бабье лето.....	13
Птица.....	15
Этажи.....	17
Тилибом.....	18
Контур.....	19
Мскв.....	22
Словами.....	23
Знать.....	24
Пить.....	25
Читать.....	26
Дорога над.....	27
В Афинах розовых.....	28
Аэро.....	29
Бессонница.....	30
По красной нити.....	31
40 (подражание Лорке).....	33
Что это с нами.....	35
Мотылёк.....	36
Гизелле.....	37
Прозрачны.....	39

Скульптор	41
Не зима	43
Спать	44
Небо рушится вниз	45
То ли розовая льдинка	46
Иероглифически	47
Тень Ли Бо и другие	48
Не жалея	49
Приворот	50
Пустынное	51
Неровное	52
Ночью	53
Над глубиной	54
<i>«Мерцающая пропорция» и поэтический жест в стихах Марины Чирковой .....</i>	<i>56</i>

Литературно-художественное издание

Марина Чиркова

Смородиновый лес

стихотворения

Подписано в печать 8.05.2020. Усл. п. л. 3,5.
Бумага офсетная. Формат 148x210.
Печать офсетная. Гарнитура Cambria.
Тираж 120 экз. Заказ № 2020/18.

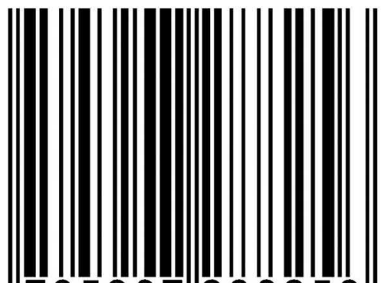
Издательство ООО «Перископ-Волга»,
400009, г. Волгоград, ул. Генерала Гуртьева, 5.

Стихи Марины Чирковой публиковались в России в газетах «Московский комсомолец», «Московский литератор»; в журналах «Заповедник», «Кольцо А», «Контрабанда», «Российский колокол», «Футурум АРТ», «Южная звезда»; в Чехии в журнале «Пражский Парнас»; в США в журнале «Sinister Wisdom»; на электронных ресурсах «ТОПОС», «Этажи», «МЕГАЛИТ», «45-ая параллель», «Артикль» и др.; автор состоит в Союзе писателей России.

В книгу «Смородиновый лес» вошли лирические стихотворения, написанные в 2015—2018 годах, и несколько более ранних.

ISBN 978-5-907288-25-6

9 785907 288256 >

Язык Марины Чирковой узнаваем: это звукопись, где смыслы порой переплетаются по прихоти музыкальной страсти, и это непредсказуемая смена обоев, декораций; это сбрасывание масок, одежд, за которыми оказывается сам лирический герой.
Герман Власов

О вечный гендер! О ручьёвые волосы!
Вот неоспоримое доказательство того, что, говоря по-простому, женский дискурс являет собой другой конструкт и другую парадигму, нежели мужской.
Татьяна Комиссарова

Мне очень нравится этот автор: он остроумен, остроязык и невероятно обаятелен, непредсказуем и вполне узнаваем, убедителен, в высшей степени женственен и, что называется, «палец в рот не клади».
Марианна Боровкова

Пример точной и тонкой поэтики.
Даже не всё прочувствов до конца, останавливаешься и привораживаешься.
Владимир Гутковский

Вроде – что нам от этой роскоши? Ни инструмента в руке, ни открытия и озарения. Но ведь красотой формулируют. Вот именно!
Так же, как другими обезоруживающими построениями. И иногда доходчивость увеличивается.
Андрей Федосеев

Вот не женская поэзия, а просто - отличная. С самого начала подкупило.
Александр Сидоров (Фима Жиганец)

